

Раздел третий

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

*Т.М.Малева,
кандидат экономических наук,
Независимый институт
социальной политики*

Социальная политика и социальные страты в современной России

История социально-экономических реформ 1990-х годов в России уже перешагнула десятилетний рубеж. За этот период были осуществлены крупнейшие преобразования, изменившие всю архитектуру российской экономики и российского общества. Однако вновь и вновь задаются вопросы: Каковы результаты реформ? Каковы их уроки? Каковы их перспективы?

К числу таких остродискуссионных относится и вопрос о возможностях и границах ответственности социальной политики. Роль человеческого фактора и социальной политики возрастает во всем мире. Растет также понимание и признание этого факта. Современная Россия не является исключением. Каким должно быть содержание социальной политики в современной России? Где водораздел между экономическими действиями и их социальными последствиями? И наоборот, как определить экономическую цену мер социального характера? Кому должны быть адресованы те или иные социальные программы?

Эти вопросы так и останутся риторическими, если рассматривать население как единый агрегат. Между тем различные социальные страты занимают неодинаковое положение в социально-экономическом пространстве, используют различные экономические практики и нуждаются в различных методах социальной поддержки.

Традиционный подход, сложившийся в современной науке и положенный в основу практической деятельности, сводится к выделению в социуме зоны бедности, что и неудивительно. Появление этого феномена стало, пожалуй, самым драматическим социальным явлением в послереформенной России, и игнорировать этот факт

социальная политика, разумеется, не вправе. Проблема, однако, в том, что, несмотря на многочисленные исследования, главный методологический вопрос — кого считать бедным в конкретных условиях той или иной страны? — по-прежнему не имеет исчерпывающего ответа. Различия в методах измерения приводят к существенным различиям и оценок масштабов бедности в России: они варьируют от 7% (хроническая бедность в статистических измерениях) до 70% (самоидентификационные оценки бедности в социологических исследованиях). Столь существенные расхождения в оценках одной из социальных групп, по отношению к которой определяются и остальные, не позволяют "достроить" целостную социальную пирамиду, если конструировать ее по схеме "снизу вверх".

Вместе с тем возможен и другой подход — выстраивание пирамиды, начиная от ее центра. Речь пойдет о средних классах в современной России.

Проблема среднего класса сама по себе также относится к числу остродискуссионных. В общественной полемике по поводу среднего класса больше политических, нежели социально-экономических мотивов. Действительно, факт формирования среднего класса можно было бы рассматривать в качестве важного подтверждения и даже критерия эффективности реформ, который свидетельствует о прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. И наоборот, отсутствие среднего класса можно было бы воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований в России. Именно в силу своего политического характера проблема среднего класса окутана густой оболочкой предрассудков и мифов.

До сих пор предпринимаются шаги, направленные на опровержение существования среднего класса в России. Есть и попытки постановки "русской пьесы в голливудских декорациях" — желание найти в российских реалиях социальные группы, которые как братья-близнецы похожи на западноевропейский или американский средний класс. Продолжающаяся в академических кругах теоретическая дискуссия о сущности среднего класса в трансформирующемся обществе не в состоянии дать ответ на вопрос о том, насколько успешно происходит (и происходит ли вообще) формирование среднего класса в современной России. Сейчас слово — за эмпирическими исследованиями.

Московский центр Карнеги завершил двухлетний проект "Экономические и социальные стратегии среднего класса"¹. В ходе исследования был проведен масштабный репрезентативный социоло-

¹ По результатам проекта подготовлена коллективная монография "Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии" (в печати). Авторский коллектив: Е.М.Аврамова, Т.М.Малева (*руководитель*), М.В.Михайлюк, Л.И.Ниворожкина, А.А.Овсянников, Л.Н.Овчарова, В.В.Радаев, Я.М.Рощина, С/В.Сурков, Н.Ю.Фирсова.

гический опрос 5 тыс. российских домохозяйств, представляющих 12 регионов России. Благодаря этому исследованию сегодня удалось познать некоторые тайны и хотя бы отчасти развеять тот туман, которым сопровождается общественная дискуссия вокруг проблемы российского среднего класса.

1. В поисках среднего класса

Как определить, что такое "средний класс"? Если мы спросим об этом экономиста, он даст определение в терминах дохода или, в лучшем случае, в терминах материальных активов. Социологи разделятся на две группы. Первые назовут средним классом людей с относительно высоким уровнем образования и должностным положением. Другие на первый план выдвинут критерий самоощущений, так называемую социальную самоидентификацию. Кто же из них прав?

Наверное, в эволюционно развивающихся рыночных обществах такой проблемы либо не существует, либо она не имеет подобной остроты. Все перечисленные критерии имеют высокую консистентность: люди с высшим образованием обладают высокой конкурентностью на рынке труда и в других экономических сферах, имеют высокий доход (неважно, трудовой или предпринимательский) и как результат высоко оценивают свой статус в обществе. В конечном счете все сходится на одних и тех же социальных группах и та сложная методологическая задача, которая стоит перед нами, решается относительно легко. Не случайно преобладающим подходом в современной западной науке является доходная стратификация, построенная на вычленении групп населения по уровню материальных активов. Между тем в современной России эта проблема существует. Неудивительно, что представления о границах и составе этого слоя существенно варьируются и различные исследователи оценивают его масштаб в пределах от 15 до 60-70% населения страны¹. И проблема вовсе не в том, что они используют различные эмпирические базы, иногда сомнительные, как было упомянуто выше. Глубинная причина состоит в том, что все исследователи вкладывают разный смысл и пользуются различными определениями среднего класса. Не будем спорить — сам феномен многогранен, противоречив и сложен, как и судьба самого термина "средний класс". Есть все основания согласиться и с первым, и со вторым, и с третьим. А вывод прост — средние классы не могут быть описаны одним интегральным критериальным признаком. Средние классы — социальная совокупность, характеризующаяся цепочкой признаков, к которым относятся: *материальные ресурсы* — уровень доходов (расходов, потребления), объем

¹ Средний класс в России: Количественные и качественные оценки / Е.М.Аврамова и др.; Рук. авт. кол. Т.М.Малева. М: ТЕИС, 2000.

Таблица 1

Эмпирическая структура средних классов

Показатель	Число домохозяйств	% домохозяйств
Средний класс по социально-профессиональному статусу	872	21,9
Средний класс по признаку благосостояния	842	21,2
Средний класс по признаку самоидентификации	1571	39,5
Совокупный средний класс (наличие хотя бы одного признака)	2079	52,2
Обобщенный средний класс (наличие не менее двух признаков)	760	19,1
<i>В том числе:</i>	274	6,9
ядро средних классов (наличие трех признаков)		
популядро средних классов (наличие двух признаков)	486	12,2
<i>В том числе:</i>	77	1,9
средние по благосостоянию и социально-профессиональному статусу		
средние по благосостоянию и самоидентификации	199	5,0
средние по социально-профессиональному статусу и самоидентификации	210	5,3

накопленных сбережений, уровень имущественной обеспеченности; *нематериальные ресурсные признаки* — уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция; *признаки социального самочувствия (самоидентификация)* — стратегии успешного экономического поведения, самооценки успешности адаптации к новым экономическим условиям, самооценки комфортности нынешней жизни и пр.

Как показало исследование, с точки зрения социально-профессиональных позиций к среднему классу относятся 21,9% домохозяйств, по материальному положению — 21,2, а по самоидентификационным оценкам — 39,5% (табл. 1).

Но что же в итоге? Какой же из этих классов можно назвать средним? Все три? Или только один? Какой из критериев имеет приоритетное значение? А, может быть, это одни и те же домохозяйства и люди, которые одновременно обладают необходимым набором профессиональных характеристик, относительно материально обеспечены и чувствуют себя в социальном пространстве, как подобает представителям среднего класса? Если в отношении первых двух параметров подобная гипотеза допустима (бросается в глаза подозрительное совпадение количественных оценок — 21,9 и 21,2%), то их значительный разрыв с показателями самоидентификации, согласно которым к среднему классу относится почти 40% домохозяйств, сразу же заставляет отнестись к ней с большим сомнением. Логично допустить, что одна часть домохозяйств действительно является счастливым обладателем всех перечисленных характеристик, другая — только каких-либо двух, а третьи —

носители лишь одного из критериальных параметров. Кто же из них представляет собой "настоящий" средний класс?

На пересечении всех трех признаков находятся около 7% российских домохозяйств — это бесспорный и наиболее стабильный средний класс, так называемое "ядро средних классов".

Вместе с тем группа домохозяйств, обладающих только двумя характеристиками, настолько близка к средним классам, что нельзя не принимать ее во внимание, особенно если мы хотим не только зафиксировать масштаб сегодняшнего среднего класса, но и попытаться понять, каковы перспективы его расширения, при каких условиях в него могут влиться новые социальные слои и какие именно из этих социальных слоев имеют наилучшие шансы. Двумя (любыми) признаками среднего класса обладают 12% российских семей. В результате обобщенный средний класс можно оценить в 19% от общего числа семей.

2. Много или мало?

Итак, средние классы составляют около 20%. Много это или мало — зависит от угла зрения. В любом случае эти результаты опровергают тезис: "В России средних классов нет", как, впрочем, и антитезис: "Подавляющее большинство россиян — средний класс".

20%-ная доля средних классов, хотя и уступает аналогичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60—70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать существования этих классов в современной России.

Тот же факт, что лишь немногим более 50% российских домохозяйств обладают хотя бы одной из базовых характеристик, присущей среднему классу, не дает оснований и для излишнего оптимизма. Ведь, по существу, полученная конфигурация средних классов означает следующее. Общепринятой или, по меньшей мере, доминирующей является точка зрения, что причиной резкого сокращения численности среднего класса в России стало драматическое падение доходов и качества жизни населения, которое привнесли экономические реформы начала 1990-х годов. Подтверждая, что дефицитность этого ресурса действительно существовала, обратим все же внимание на то, что это отнюдь не единственная причина. Не менее значимым является факт, что социально-профессиональные параметры среднего класса отнюдь не так распространены, как следует из часто повторяемого утверждения, что Россия — страна с высокообразованным населением. Дефицитны оказались и наличие высшего образования, и, по-видимому, его качество, раз оно не дает возможностей найти высокооплачиваемую и престижную работу.

Подтверждается, пожалуй, лишь социальный феномен, и ранее отмечавшийся российскими социологами: "субъективный" средний

класс значительно превышает масштабы среднего класса "объективного", измеряемого уровнем благосостояния и социально-профессиональными характеристиками.

По-видимому, 50% — это максимальная оценка потенциала среднего класса в обозримой перспективе при условии успешного социально-экономического развития страны. Именно эти социальные группы, относящиеся сегодня к средним классам лишь частично, не утратили шансов на перемещение в ядро средних классов и превращение в полноценный стабильный и уверенный средний класс.

Эмпирические измерения дают основания для большого числа нетривиальных заключений:

— лишь немногим более трети домохозяйств (8,8 из 21,9%), обладающих набором признаков среднего класса с профессионально-социальной точки зрения, имеют удовлетворительное материальное положение. В упрощенных терминах это означает, что лишь треть образованных научились зарабатывать;

— вместе с тем не более трети российских семей с достатком (8,8 из 21,2%) имеют довольно сильные профессиональные позиции. Опять же упрощая, можно сказать, что только треть умеющих зарабатывать вполне образованны;

— чуть более половины среднеобеспеченных семей (11,9 из 21,2%) относят себя к средним классам. Таким образом, материальный достаток далеко не для всех является гарантией высокой социальной самооценки;

— меньше трети семей (11,9 из 39,5%), субъективно относящих себя к средним классам, имеют на то объективные основания, если судить по уровню их материального положения. Иначе говоря, субъективный средний класс значительно шире среднеобеспеченных групп населения;

— также немногим более половины домохозяйств (12,2 из 21,9%) с социально-профессиональными характеристиками, присущими среднему классу, уверенно относят себя к таковому. Тем самым образование и профессия не всегда служат основанием для высокой самооценки;

— менее трети "субъективных" средних классов (12,2 из 39,5%) объективно таковыми являются с социально-профессиональных позиций. Другими словами, субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс;

— менее половины домохозяйств (17,2% из 39,5%), субъективно относящих себя к среднему классу, имеют хотя бы одно из двух объективных оснований: достаток или социально-профессиональный статус.

Все вместе это говорит о высокой неконсистентности критериев, по которым идентифицируются российские средние классы, что,

в свою очередь, свидетельствует о крайней незрелости социально-экономической структуры как самих средних классов, так и общества в целом. Действительно, общество, где лишь треть образованных научилась зарабатывать и, наоборот, только треть умеющих зарабатывать достаточно образованны, далеко отстоит от идеалов стабильного и экономически эффективного социума, где наличие высшего образования служит достаточно прочной гарантией занятости и относительно высоких доходов, что автоматически ведет к высокой самооценке своего социального положения. Ярко выраженная рассогласованность, "размытость" и разнонаправленность базовых социально-экономических характеристик среднего класса, которые в идеале должны были действовать одновременно и в этом случае выступали бы гарантией формирования не только массового, но и стабильного среднего класса, — вот, пожалуй, главный вывод, который следует из эмпирических измерений средних классов в России.

3. Мифы и правда о российских средних классах

На эмпирическом уровне российский средний класс решительно не похож ни на своих собратьев из развитых стран, ни на образы, навязываемые сегодняшнему обществу масс-медиа, которые опираются на будущую модель "общества потребления". Мы искали не идеальный средний класс, похожий на американский или же оправдывающий оптимистические ожидания будущего. Мы искали средний класс в России "здесь и сейчас". Да, этот класс не слишком богат, но и не беден, располагая значимыми материальными ресурсами. Его представители обладают относительно высоким уровнем образования, позволяющим успешно конкурировать на рынке труда и действовать в других экономических сферах, однако утверждение, что этот ресурс неисчерпаем, было бы слишком оптимистично. Средний класс довольно высоко оценивает свой общественный статус, но вряд ли имеет гарантии стабильности своего положения. Именно поэтому он борется за это положение, демонстрируя более активные социально-экономические стратегии, чем прочие социальные группы. Эти значимые отличия просматриваются во всех его практиках — он более активен на рынке труда, в предпринимательской, финансовой деятельности, инвестирует в свое образование и здоровье и пр.

В то же время не следует его и идеализировать или же приписывать несвойственные ему черты. Он не "трудоголик", а вполне рационален в распоряжении своим рабочим временем и досугом. Представители среднего класса не слишком дальновидны и не особенно заглядывают в свое пенсионное будущее. Средний класс вполне вписался в теневые экономические практики и вовсе не борется за выход из "тени в свет". Он отнюдь не столь политически

активен, как ожидается многими политическими акторами. Во многих своих проявлениях он такой, как и все общество. Впрочем, это не должно вызывать удивления. Многие функции, традиционно присываемые среднему классу, — гарант социальной стабильности, активный потребитель, успешный предприниматель, разумный инвестор — только-только начинают формироваться.

Вместе с тем нельзя не замечать другой функции среднего класса — проводника инновационных форм социально-экономической деятельности. Обобщенный средний класс располагается надвигающемся фронтире или поблизости от него, осваивая новые предметы и формы деятельности, транслируя их далее — в более массовые группы. С этой точки зрения авангардная функция среднего класса налицо.

4. Средние классы и другие...

Итак, средние классы в России, хотя и невелики по своему размеру, все же существуют. Проблема, однако, не исчерпывается констатацией этого факта. Гораздо более важным является вопрос о том, каково социальное окружение средних классов? Какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение или вхождение в средние классы? И кто, наоборот, является аутсайдером? Наконец, эти слои необходимо выделить, чтобы ответить на вопрос, чем же принципиально отличаются средние классы от остальных.

Низшие слои составляют немногим более 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не обладают высшим образованием, тем самым мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не

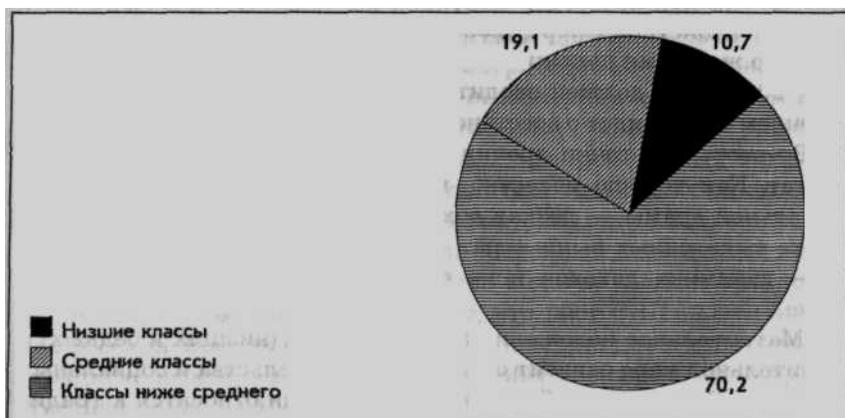

Рис. 1. Социальные страты в России (в % от общего числа опрошенных)

испытывают иллюзий по поводу своего социального положения, относя себя к низшим слоям общества.

Что же касается прочих, то диагноз неочевиден. Очевидно только то, что между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой "уже не низшие, еще не средние". И их в России подавляющее большинство — 70% от общего числа российских домохозяйств. Эта часть населения обладает некоторыми социальными и экономическими ресурсами и, следовательно, шансами на перемещение в ядро среднего класса.

5. Политические альтернативы

Хотя упомянутое исследование ставит под сомнение общепринятую точку зрения, что единственной причиной неразвитости российского среднего класса является низкий уровень доходов населения, все же этот фактор заслуживает, чтобы на нем остановиться подробнее. Ведь общественная рефлексия и социальная напряженность по этому поводу не спадает на протяжении десятилетия.

Является ли экономический рост гарантией роста доходов населения? Утвердительный ответ на этот вопрос обычно воспринимается как нечто само собой разумеющееся и результаты последних лет, казалось бы, дают дополнительный аргумент в его пользу. В этом отношении последние три года — пример сочетания двух процессов: с одной стороны, положительная экономическая динамика привела к оживлению в ряде экономических секторов и, как следствие, к росту оплаты труда и доходов занятых в них работников; с другой — расширение налоговой базы и некоторое улучшение налоговой дисциплины позволили консолидированному бюджету осуществить ряд социальных мероприятий, а именно — индексацию минимального размера пенсий и минимальной оплаты труда в бюджетной сфере экономики.

В то же время положительный тренд доходных индикаторов в 2000-2002 гг. не должен вводить в заблуждение. Во-первых, речь в лучшем случае идет о восстановлении докризисного (1998 г.) уровня. Во-вторых, с точки зрения доходов, население — не единый агрегат. Как хорошо известно, вторая составляющая российской социальной драмы — резкая доходная дифференциация. И в контексте выделенных выше страт — низшие, средние, ниже среднего — динамика доходов и ее перспективы выглядят несколько иначе.

Материальное положение первой группы (низших и бедных) в значительной мере зависит от усилий правительства и социальных программ. Ведь в своем большинстве эти люди относятся к традиционно бедным категориям (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды и пр.), материальное положение которых в основ-

ном определяется мощностью государственных финансов и системы социальной защиты. В то же время существует относительно новая категория бедных — так называемые "работающие бедные", занятые главным образом в бюджетных секторах экономики, а также в депрессивных отраслях с абсолютно низким уровнем заработной платы, которая даже если и превышает прожиточный минимум, то никак не покрывает витальные потребности семьи. Рост доходов данной социальной группы — результат прямого государственного регулирования, разного рода индексаций и компенсаций.

Вторые (средние классы) в своей массе включены в относительно эффективные экономические сектора. Это работники, занятые в основном в так называемом вторичном экономическом секторе — в организациях и компаниях, занимающихся внешнеэкономическими операциями, общей коммерческой деятельностью по обеспечению функционирования рынка, в банковской сфере, в области финансов, кредита и страхования. Лидеры по уровню заработной платы в реальном экономическом секторе — отрасли топливно-энергетического комплекса (главным образом, разумеется, нефтедобывающая и газовая промышленность), цветная металлургия, строительство и транспорт. Именно эти сектора ощутили реальные результаты экономического роста и отреагировали, в частности, повышением доходов и оплаты работников. Другими словами, экономическое оживление — явление не тотальное, а локальное, и фокусируется в отдельно взятых секторах, отраслях, регионах. Речь, следовательно, идет о том, что экономический рост прямо коснулся только этого сегмента рынка вообще и рынка труда в частности.

А что же с оставшимися, которые, напомним, составляют почти 70% населения и в этих терминах являются не "оставшимися", а основными? Именно эта группа оказывается за кадром объектива экономической и социальной политики. До них импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от попыток правительства поднять уровень жизни российского населения, либо не доходят вообще, либо доходят в ослабленном и усеченном виде.

Следовательно, каждая политическая парадигма "работает" лишь на своем полюсном участке: политика прямого регулирования доходов достигает некоторого результата в зоне бедности, экономический рост способствует укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп. "Середина" оказывается наиболее уязвимым звеном и превращается в самую проблемную зону.

А это, в свою очередь, означает, что рост ВВП — не панацея для россиян. Возможности регулирования доходов в действующей парадигме не безграничны. Ведь в течение последних лет государственная социальная политика (в явном или неявном виде) была сконцентрирована, по существу, лишь на одной крупномасштабной цели — сокращении зоны бедности российского населения и регу-

лировании доходов малообеспеченных групп. Более того, в последние годы другие направления социальной политики, формально преследующие иные цели, в реальности прямо или косвенно были подчинены именно этой задаче¹. Сохранение этой парадигмы означает в лучшем случае стабилизацию ситуации в области доходов, однако не сулит существенного улучшения материально-экономического положения основной массы российского населения.

Центр проблемы роста доходов населения — не регулирование оплаты труда и социальной поддержки населения, как это традиционно понимается правительственными программами, а в первую очередь — вопрос структурных и институциональных реформ.

Проблема "работающих бедных", абсолютное большинство которых заняты в бюджетном секторе экономики и входят в состав слоя "ниже среднего", позиционируя в нижних его сегментах, не может быть решена скромной индексацией оплаты труда бюджетников. Предельно ясно, что такое регулирование оплаты в лучшем случае не позволит этой социальной группе "свалиться" в зону открытой бедности, но отнюдь не решит проблемы ее достойного существования. Кардинальное решение проблемы — в реформе самого бюджетного сектора.

Не будет также преувеличением утверждать, что Россия по-прежнему игнорирует существование такого огромного резерва, как развитие малого бизнеса. Несмотря на неоднократные декларации по поводу стимулирования этого процесса, роль малого бизнеса в экономике страны прискорбно низка. Доля мелких предпринимателей вплоть до настоящего времени не превышает 2-3% экономически активного населения. Как показывают социологические исследования, дело отнюдь не в ослабленном предпринимательском духе российских граждан и даже не в отсутствии инвестиций. Среди основных причин — сохранение большого числа административных барьеров, значительные транзакционные издержки, связанные с регистрацией юридических лиц, лицензированием деятельности, обязательной сертифициацией товаров и услуг и пр., а также политические риски. Между тем малый бизнес — это не только оживление ряда экономических секторов и не только развитие рыночной конкуренции. Это создание новых рабочих мест в количестве, которое несоизмеримо с беспомощными попытками искусственного конструирования рабочих мест на действующих предприятиях или столь же непродуктивными действиями по сохранению уже существующих, но неэффективных рабочих мест. Это не зависящий от нефтедолларов рост доходов включенных в малый бизнес работников. Это реальный

¹ Рельефным примером является государственная политика на рынке труда, основной функцией которой стала не борьба с безработицей, ее масштабами и продолжительностью, а стремление поддержать доходы безработных через выплату пособий по безработице, назначение досрочных пенсий, доплат на иждивенцев и прочих денежных выплат и материальной помощи

путь повышения экономической активности и материальной состоятельности российского населения.

Без такого рода преобразований социальная пирамида, в которой абсолютное большинство населения находится "между молотом и наковальней", не имея реальных экономических инструментов и надежных социальных гарантий, сохранится на долгие годы. Реализация же институциональных преобразований создаст шанс для перемещения этой массовой социальной группы в ядро среднего класса. Произойдет это перемещение или нет? Именно ответ на этот вопрос станет интегральным критерием успеха социально-экономического развития России.